

21

Z zagadnień semantyki i stylistyki tekstu

pod redakcją
ANNY GINTER

9
3
1
3
2
3
0
1
3
2
1
1
2
1
3
2
3

WYDAWNICTWO UNIWERSYTETU ŁÓDZKIEGO
KODZ 2010

RECENZENCI

Andrzej SitarSKI, Jadwiga StanowiAKa, Krystyna Wojcisiak

REDAKTOR WYDAWNICTWA CE I KOREKTA

Bogusława Kwiatkowska

REDAKTOR TECHNICZNY

Zdzisław GnalKA

OKŁADKĘ PROJEKTOWAŁA

Barbara Grzejszczak

Publikacja dofinansowana przez Urząd Miasta Łodzi

© Copyright by Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, Łódź 2010

Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego

2010

Wydanie I. Nakład 120 egz.

Ark. druk. 38,625. Papier kl. III, 80 g, 70×100

Zam. 18/4506/2010. Cena zł 35,-

Drukarnia Uniwersytetu Łódzkiego

90-131 Łódź, ul. Lindleya 8

ISBN 978-83-7525-372-6

Spis treści

Od Redaktora	9
I. Metody badań semantycznych i stylistycznych. Zagadnienia ogólne	
Metody semantycznych i stylistycznych исследований. Общие проблемы	
Chwiniński Piotr – <i>Методологический компонент в толковании лексического значения (на материале обозначения жи)</i>	13
– The ideological component of the interpretation of lexical meaning (on the material of the persons designation)	21
Чарквич Мирослав – <i>Стилистический анализ художественного текста</i>	23
– The stylistic analysis of a literary text	32
Ginter Anna – <i>Znak, znaczenie i ideologia w „Marksizmie i filozofii języka” Walentyna Wołoszynowa i Michaiła Waschina</i>	33
– Sign, meaning and ideology in „Marxism and the philosophy of language” by Valentin Voloshinov and Mikhail Vakhtin	40
Ильин Дмитрий – <i>Функционально-семантический аспект исследования региональной ономастики</i>	41
– Functional and semantic aspect of regional onomastic research	48
Лешак Олег – <i>Философско-методологические основания структурирования деномативного значения номинативного языкового знака</i>	49
– Philosophical and methodological premise of structuring of denotative meaning of nominative language sign	59
Лабанчук Михаил – <i>Научная метафора как языковое явление</i>	61
– Scientific metaphor as a linguistic phenomenon	70
Ражченко Алексей – <i>Онимическая номинация в классике классических и современных теорий значения слова (на материале документов XIX века Горадарапленского архива Волгоградской области)</i>	71
– Nomination with onyms vs. classical and modern theories of word meaning (analysis of the XIX century documentation from the State Archive of Volgograd Region)	78
Wieżak-Plisiecka Iwona – <i>Granice między semantyką i pragmatyką w świetle (Klasycznej) teorii aktów mowy Johna L. Austina</i>	79
– The semantics pragmatics distinction and John L. Austin’s (classic) theory of speech acts ..	88
II. Семантика i stylistyka tekstu artystycznego. Idiolekt	
Семантика и стилистика художественного текста. Идиолект	
Budzik Małgorzata – <i>Szary szlowski Baraniszka. Językowy obraz człowieka w poezji Stanisława Baraniszki</i>	91
– A grey man of Baraniszka. The linguistic image of a man in the poetry by Stanisław Baraniszka	99
Burska-Katajczyk Beata – <i>Językowy obraz matki w powieści „Kamień na kamieniu” Wiesława Musyłowskiego</i>	101
– The linguistic image of mother in the novel “Kamień na kamieniu” by Wiesław Musyłovsky ..	109

Сюзан Марзепна – Особова назва мисла в тексті літератур. <i>Мургане проблему se- пидузге і stylizacje (na rzekładzie „Księżego nazwiska” Antoniego Czesłowa)</i>	111
– A personal proper name in a literary text. Selected semantic and stylistic problems (on the example of A. Chekhov's short story „A Horse-like Last Name”)	119
Jacłimowska Katarzyna – <i>Rucholingwistyczne aspekty rzezi Stanisława Młodziejca</i>	121
– Styling aspects of Stanisław Młodziejec's poetry	132
Karpiński Adam – <i>O semantyce nazwy imięni Anu Uzielac „Dzieci z Rybita”</i>	133
– On the semantics of the name of the book by Anu Uzielac “Children from Rybita”	138
Колозова Елена – <i>Литературная лексика в художественном тексте (на материале романов Т. Толстой)</i>	139
– The system of verbal forms in fiction text (on the material of T. Tolstaja's stories)	145
Machnicka Violetta – <i>Neologizmy słowotwórcze i neosemantyzm zmiędzące z kobietami w utworach Bolesława Prusa</i>	147
– Word-formation neologisms and neosemantisms related to women in texts by Bolesław Prus	156
Нагель-Червиньска Маргарита – <i>Семантичний аналіз метафорического цитру- пимельного обрлада «карантом»</i>	157
– Semantic analysis of metaphors of Jewish sabbathic custom “Karant”	166
Ситко Юрий – <i>Семантические отношения в одной экземплификации из теоретического Т. Кибирова</i>	167
– Semantic relations in a fragment of T. Kibirov's poetic texts	174
Собиняк Катяжина – <i>Лексикологический аспект использования научной-естествен- венной и технической терминологии в аниматомии Е. И. Замаянина «Мышь»</i>	175
– Styling aspect of the use of natural-scientific and technical terminology in the anti-fiction “We” by E. I. Zamajin	181
Степановка Татьяна – <i>Значение слова «мастер» в «Мастере и Маргарите» Михаила Булгакова (литературоведческий аспект)</i>	183
– The meaning of the word „master” in „Master and Margarite” by Mikhail Bulgakov (literary aspect)	190
Серпняк Анна – <i>Stylizacyjne wzgledniki listy nielosewego jako gatunki literackiego (na rzekładzie korespondencji Worsza Rasietnaka)</i>	193
– The stylistic determinants of love letter as a literary genre (on the example of correspon- dence by Wors Rasietnak)	198
Щербаков Александр – <i>Образное использование глагольной лексики со значением имперсональности в лирике российских и польских поэтов</i>	201
– Usage of verbal forms with impersonal semantic meaning in Russian and Polish poetry	209
III. Kontrasty językowe. Komunikacja (między)kulturowa	
Языковые контрасты. (Меж)культурная коммуникация	
Аркинова Елена – <i>Проявление категории нейтральности и экспрессивности в худо- литературной лексике русского польского и болгарского языков</i>	213
– Manifestation of the categories of neutrality and expressiveness in Russian, Polish and Bulgarian idioms	219
Будняк Данута – <i>Роль языков в культурном дискурсе</i>	221
– The role of languages in cultural discourse	235
Delewska Renata – <i>Korrelacja frazematów i modeli frazematowości w języku rosyjskim i pol- skim</i>	237
– The correlation between phrases and models of phrase-formation in Russian and Polish	244

Rodziewicz Barbara – <i>„Ręku maż żone całą, ręki się kapusta na ławce gotuje”. Mędzynajna – maż i głowa rożdnę we frazeologii polskiej i rosyjskiej</i>	245
– Man – head and Familyman in der polnischen und russischen Phraseologie	249
Rudyk Anna – <i>Stylizacja semantyczna w rosyjskich zadaniach typu «Dłoga sobirajnas» w rożdnianiu z językiem polskim</i>	251
– Semantic subject in Russian sentences Dłoga sobirajnas and their Polish equivalents	257
Strás Ewa – <i>Niesubjektowa siłna ciemności we frazeologii języka polskiego i rosyjskiego</i>	259
– Intensification of darkness in Polish and Russian phraseology	266
IV. Leksykalno-stylizacyjne i leksykalno-semantyczne aspekty przetłumaczania	
Лексико-стилистические и лексико-семантические аспекты перевода	
Цуркан Элона – <i>Деторские метафоры Сергея Есенина в переводе на польский язык</i>	269
– The author's metaphors of Sergey Esenin in Polish translation	277
Райская Дарина – <i>Русскоязычный перевод в аспекте теории наречного восприятия письменного текста</i>	279
– Russian translation in the perspective of narichny written text reception theory	287
Смагулова Кудлархан – <i>Семантические и стилистические особенности перевода русских фразеологизмов на казахский язык</i>	289
– Semantic and stylistic aspects of translation of Russian phraseological units into the Kazakh language	295
Stalmaszuk Piotr – <i>Praktyczna semantyka nazw własnych (sztyl problemu z interpretacją i kłopotami nazw własnych)</i>	297
– Practical semantics of proper names (and some problems with interpretation and translation of proper names)	305
V. Teoria tekstu. Pragmatyka tekstu	
Теория текста. Прагматика текста	
Дайбер Томас – <i>Правда и эмоция. Об умных текстах, о смысле и об автобиогра- фической памяти</i>	309
– Wahrheit und Emotion. Über intelligente Texte, Sinn und autobiographisches Gedächtnis	317
Ионова Светлана – <i>Динамика норм коммуникации в процессе текстообразования</i>	319
– Dynamics of norms of communication in the process of text-constitution	325
Mihalewski Kazimierz – <i>Elementy obydowu wyrowiedzenia jako stodek perswazji w teks- tach slowiańskich</i>	327
– Persuasive devices in Slavic texts	333
Pietzak Magdalena – <i>Wzglesniki stykingowe Jeleni II pol. XIX w. Komponenty ingralne i finalne (na materiale Jelenionów Henryka Sienkiewicza)</i>	335
– Styling constituents of the 19 th century column. The initial and final components (on the material of Henryk Sienkiewicz's columns)	345
VI. Tekst w mediach. Pragmatyka dyskursu	
Текст в СМИ. Прагматика дискурса	
Bolesła-Wrona Wożena – <i>Kilka kwag na temat tekstów reklam zegarków w prasie polskiej i rosyjskiej</i>	349
– Some remarks on watch advertising slogans in Polish and Russian press	355
Чудинов Анатолий – <i>Российская политическая метафорика в начале XXI века</i>	357
– Russian political metaphor in the beginning of XXI century	363

Duvel Marta – <i>Kalambury w sloganach reklamowych</i>	365
– Puns in advertising slogans	373
Рашиборская Лариса – <i>Отражение актуальных социополитических процессов в новообразованных современных российских СМИ</i>	375
– Reflection of sociopolitical processes in new word-formative structures in modern Russian mass-media	379
Самардакова Татьяна – <i>Языковые проекции этических норм в рекламе лекарств и биологически активных добавок</i>	381
– Language projections of the ethical rates in advertisement of medicine and biologically active additives	387
Szczek Joanna – <i>„Przerzeczam za koroł, jaki stanowi moja osoba” – Jolty gwiazdości w rodzimych słowach</i>	389
– „Verzehen Sie bitte das Problem, das meine Person darstellt” – Mittel der Höflichkeit in den Studentengesuchen	396
Szeińska-Baján Magdolna – <i>Kilka uwag na temat duszyczki komiznego – rola kontekstów komiznych w krótkich tekstach humorystycznych w języku polskim</i>	397
– Quelques remarques sur le discours humoristique dans la perspective traductologique – le rôle de contextes comiques dans des histoires drôles	404
Szklarska-Smiełowska Ewa – <i>SMS jako element tekstu telewizyjnego</i>	405
– SMS als TV-Textelement	412
VII. Семантика і прагматика jednostek językowych. Семантична прагматика і способи її опису	
Семантика и прагматика языковых единиц. Семантическое пространство языка и способы его описания	
Бенечникова Рената, Беленчиков Валентин – <i>К семантике слов «руслянка» и «русляны» в русской словесности</i>	415
– Zur Semantik der Wörter „rustylia” und „rustylin” in der russischen Literatur	423
Цивилева Аллина – <i>Лексико-семантическая и функциональная характеристика суцеземельных, репрезентативных воздушное, небесное и космическое пространства в русском языке</i>	425
– Lexical semantic and functional characteristics of nouns representing sky, air and outer space in Russian language	432
Дембська Катяжина – <i>Об одном аспекте феминистской лингвистики в современной русской языке</i>	433
– About one aspect of feminist linguistics in contemporary Russian language	437
Иванова Галина – <i>Семантика и прагматика научного меридиана</i>	439
– Semantics and pragmatics of a scientific term	445
Крылова Ольга – <i>Особенности номинации женской одежды в севернорусских говорах</i>	447
– Characteristics of nomination of women’s clothes in North-Russian dialects	454
Радзекса Агата – <i>Одзначення назву особ в польській лексyce і фразеології</i>	455
– References to the animal world in personal names in Russian lexical and phraseological units	464
Radajska Katarzyna – <i>Imienownictwo w języku dziecięcym</i>	465
– Idiomatic improprieties in the child language	474
Ситарова Андрей – <i>Антропонимия в семантике языковых единиц (на материале русских фразеологизмов и наречий со значением «успех»)</i>	475
– Anthroponymism in the linguistic units’ semantics (on the basis of the Russian fixed phrases and sayings meaning „Success”)	483

Вежбиньски Ярослав – <i>Семантико-стилистические особенности русских загадок, шуток, скороговорок и считалок</i>	485
– Semantic and stylistic characteristics of Russian riddles, jokes, tongue-twisters and counting-out rhymes	491
VIII. Категорія одиниць семантики і стилістики в цілості діалектознавства. Категоризация дейстительности. Концептуальные аспекты содержания языковых единиц. Языковая картина мира	
Бячкова Татьяна – <i>Репрезентативная концепция «ум» и «разум» в русской языковой картине мира</i>	495
– Representation of concepts ‘intelligence’ and ‘mind’ in Russian language picture of the world	501
Kikiewicz Aleksander – <i>Проблемы аспекту концептуализации. О материальности и назви мислових в польській фразеології</i>	503
– Pragmatic aspects of conceptualization. Material use of proper names in colloquial speech of New Russians	510
Незорова-Кучер Елена – <i>Концептосфера молодого носителя языка и экспериментальная фразеология (на материале польского языка)</i>	511
– The concept-sphere of a young native speaker and the slang phraseology (based on the Polish language)	521
Попова Татьяна – <i>Языковая картина мира русского диалектознавства и ее экспликация на деривационном уровне</i>	523
– Linguistic picture of the world in Russian dialects and its explication on the word-formation level	529
IX. Problemy semantyki i stylistyki w цілості діалектознавства. Historia tekstów. Проблемы семантики и стилистики текста в диалектознавском плане. История текстов	
Каминьская Анна – <i>О назименованиях лиц с суффиксом -тель в русском языке XVIII века</i>	533
– On the personal names with the suffix ‘-tel’ in the 17 th century Russian language	541
Клиева Людмила, Драславянский реликты в современных славянских языках	543
– The Old-Slavonic relicts in modern Slavonic languages	550
Козлов-Лежик Клавдия – <i>Семантика і лексикально-стилістичне паралелі між іменами Варшавської Рароцької, «Найка Розмарин Філозоф» і «Найка Розмарин Філозоф»</i>	551
– Semantic and lexicostylistic parallels between Warszawa Rarockis Węken „Najka Rozmarin Filozofów” and „Najka Rozmarin Filozofów”	557
Kowalska Danuta – <i>W rozkładach rękopiśmiennych: Uwagi o stylu „Psalmista Dawidowego”</i>	559
– Elements of style in „Psalmista Dawidowy” by Mikolaj Rey (1545)	566
Nikolaev T. – <i>Историческая семасиология русского языка</i>	567
– Historische Semasiologie des Russischen	572
Nikolaeva Natalya – <i>Текст и терминологическое: неудавшийся опыт XVIII века</i>	573
– Text und Kunst des Terminus: Misserfolg des 17. Jahrhunderts	579

Стародубцева Наталья – Развитие функционально-семантических свойств инфинитива в старорусских житийных текстах	581
– The development of functional-semantic properties of the infinitive in Old-Russian hagiographic texts	589
Жолобов Олег – Древнеславянское язычество: к реконструкции словаря	591
– The Old-Slavonic paganism: reconstruction of the dictionary	599
X Семантика і стилістика тексту – методи наuczania	
Семантика и стилистика текста – методы преподавания	
Романичева Елена – Освоение семантического пространства языка в процессе обучения чтению: вопросы и задания на понимание текста	603
– Mastering of the semantic space of the language in the process of reading: questions and tasks to develop the understanding	609
Семяновска Уршуля – Текст в обучении русскому языку как иностранному	611
– Text in the didactics of Russian as a foreign language	617

Od Redaktora

Sprostzeżenia językoznawców dotyczące tekstu pozwalają widzieć w nim zarówno przekaz pisany, jak i komunikat usłny, a nawet fragment pełnej wypowiedzi. W teorii tekstu termin ten oznacza wypowiedzi całościowe, traktowane jako pełny wyraz intencji komunikacyjnej mówiącego. Sens tekstu determinowany jest przez wewnętrzne relacje wiążące poszczególne elementy składowe oraz przez czynniki pragmatyczne. Zank powiązań porządkujących zbiór wyrażen wyznacza granice tekstu. I na jessze jedną definicję pochodzącą z opracowania Teresy Dobrzyńskiej (2001) warto zwrócić uwagę: tekst jest ciągiem językowym, którego kolejne elementy uzyskują sens przez nakładanie się ich znaczeń na znaczenia elementów wcześniejszej zakomunikowanych i zinterpretowanych. Ciąg taki przeznaczony jest do kompleksowego odbioru, przy którym następuje kumulowanie sensów. Prezentowane tu szerokie rozumienie tekstu uwzględnia znaczenie wchodzących w jego skład elementów językowych, rolę czynników sytuacyjnych, a także wpływ świadomianej wspólnej wiedzy nadawcy i odbiorcy na zintegrowany sens wypowiedzi.

Tak wieloaspektowo pojmowany tekst stał się przedmiotem rozważań badaczy uczesniczących w trzeciej już Konferencji Międzynarodowej z cyklu „Problemy semantyki i stylistyki tekstu”, która odbyła się w Łodzi w dniach 16–18 października 2008 r. Konferencja ta została zorganizowana przez Katedrę Językoznawstwa Instytutu Rუსystyki Uniwersytetu Łódzkiego przy współudziale dwóch partnerów zagranicznych: Katedry Historii Języka Rosyjskiego i Językoznawstwa na Wydziale Filologicznym Kazanjskiego Uniwersytetu Państwowego oraz Katedry Języka Rosyjskiego na Wydziale Filologii i Dziennikarstwa Wołgogradzkiego Uniwersytetu Państwowego. Rezultatem pracy i wysiłku uczesników oraz dyskusji prowadzonych podczas obrad jest niniejszy zbiór artykułów, prezentujący kierunki badań nad zagadnieniami semantyki i stylistyki tekstu w licznych ośrodkach akademickich w kraju i za granicą. Zgromadzony materiał został przedstawiony w następujących dziedzinach:

1. Metody badań semantycznych i stylistycznych. Zagadnienia ogólne.
2. Semantyka i stylistyka tekstu artystycznego. Idiolekt.
3. Kontrasty językowe. Komunikacja (między)kulturowa.
4. Leksykalno-stylistyczne i leksykalno-semantyczne aspekty przekładu.
5. Teoria tekstu.
6. Tekst w mediach. Pragmatyka tekstu i dyskursu.
7. Semantyka i pragmatyka jednostek językowych. Semantyczna przestrzeń języka i sposoby jej opisu.

Томас Дайбер
Университет им. Юстуса Либига
Гиссен, Германия

Правда и эмоция Об устных текстах, о смысле и об автобиографической памяти *

1. Постановка вопроса

Спонтанные устные высказывания представляют собой очень интересный материал для лингвиста. „Текст“ как элементарный вид сохранения жизненного, т.е. практического и теоретического опыта (Schlotz 1994), имеет только ему присущее семантическое качество „смысла“ (Dressler 2004: 11), что можно наблюдать в фактической речи *in actu nascendi*. В акте устного высказывания у автора нет возможности незаметно корректировать свою речь, он не способен исправить или илмининировать уже сказанное, так же, как он не в состоянии поменять порядок в сказанном предложении или тексте. Напротив, автор вынужден продолжать свою речь, чтобы подобрать соответствующий конец началу речи (Kleist 1805, Aulos 1982). Таким образом, намеренно или ненамеренно, но повествование рождается в ситуации диалога (или монолога), и поэтому является важным исследованием того, как рождается смысл.

Формируемая речь может удивлять и самого ее автора. Психология утверждает, что спонтанная речь не всегда соответствует намеренному ее направлению, поэтому возможно исследование особенностей устных высказываний, которыми автор неосознанно оперирует. На уровне лексики это, следуя терминологии С. Фрейда – „символы“ (вернее было бы назвать их „метафорами“). С точки зрения прагматики устные высказывания служат примером регулярности употребления лексических единиц для диагноза психических проблем (Wolffe 2001). Процесс создания высказывания можно представить следующим образом: говорящий, выбирая и употребляя те или иные метафорические выражения, неосознанно проясняет свои психические проблемы. Другие теоретики (как, напр., Lascar

* Русский перевод осуществлен при помощи Анны Гринберг.

1964) утверждают, что языковая система является обязательным посредником как при передаче мыслей, так и собственно при процессе мышления, и поэтому открывает и в то же время закрывает самосознание. Философы (Wellmann 2006) также отмечают, что невозможно непосредственно сделать выводы о бессознательном на основании высказывания. О какой бы теории не шла речь, однозначным является то, что языковая система и самосознание говорящего сложно взаимосвязаны и трудно определить меру осознанности или неосознанности речи. Естественно, нашей целью не является исследование устных текстов как документов психической деятельности, основной задачей ставится анализ текста с лингвистической точки зрения. Во многих лингвистических теориях подчеркивается, что устные тексты, с одной стороны, объективно описывают события и „историческую“ реальность, с другой же стороны, они одновременно отражают субъективное восприятие реальности рассказчиком. Устные тексты как все интерактивные коммуникаты (Sprengel/Spranz-Fogasy 2002: 215: самоизображение автора – это „discursively Interaktionsaufgabe“) не только выражают объективную или субъективную правду, но также служат самоизображению автора.

На материале устного повествования мы хотим доказать, что устный рассказ („нарратив“) изначально построен по принципу самоизображения автора. Мы называем этот феномен „индекс автора“ в отличие от уло-требуемого в литературе понятия „индексикальность“ (Arlow 2002: 109). „Индекс автора“ – это, во-первых, понятие, охватывающее все языковые особенности в конкретном тексте, которыми автор выражает определенные реальные обстоятельства, а, во-вторых, это тот комплекс, который языковыми средствами указывает на ментальное самосознание самого автора.

2. Лексический пример индексикальности

Наиболее важным в исследованиях „индекса автора“ является проблема ретрудности употребления лексических единиц. Ниже представлен пример материала как иллюстрация этого феномена. Пример состоит из отрывков интервью, которое было записано студенткой гиссенского университета, М. Ротер, участницей моего семинара. Девушка, которую она опрашивала, переехала со своими родителями на постоянное место жительства в Германию в возрасте 12-ти лет. В интервью шла речь о начальном этапе проживания после переезда в новую страну. Интервьюируемая перечисляет все места, где она была до переезда в Гиссен:

Пример 1:

- 3 ээз Приехали мы во Франкфурт ... – на Майне.
- 4 И ... для меня все это казалось очень большим,
- 5 очень много людей там находилось.
- [...]
- 18 Мы приехали, мы прилетели из Казахстана, но ээз
- 19 мы летели через Москву ...
- 20 и в Москве мы находились ээз всего два дня ...
- 21 ээз, нам это там было очень интересно, потому что я впервые увидела большой город.
- [...]
- 30 Приехали ээз потом мы ...
- 31 в деревушку в маленькую деревню,
- 32 я уж, я уже забыла, как называлась.
- [...]
- 52 Вот. После этого лагеря мы поехали ...
- 53 нас перевезли в другой лагерь.
- 54 это было в „Рубенду“ ... недалеко от Гиссена.
- 55 Ну ... там мне вообще не нравилось, потому что там скучно было.
- 56 это деревня для меня была, а я как бы выросла в городе, я не привыкла в деревне жить ...
- 57 И там только коровы ведале паслись. [смех]
- [...]
- 61 Ну и вот, и ... потом приехали в Гиссен, в городе.
- 62 И потом уже совсем все по-другому было, интереснее ...

Уже при ближайшем рассмотрении (соответствующим словам в примере подчеркнуты) видно, что опрашиваемая студентка концептуализирует все этапы ее путешествия из Казахстана в Гиссен в схеме „большой и поэтому интересный город“ и „маленькая и поэтому скучная деревня“. Такая схема привычна, но при этом возникает вопрос, были ли осмыслены все выше названные места через призму понимания 12-летней девочки или через восприятие повзрослевшей девушки. Конечно, можно задать вопрос, действительно ли деревня была настолько скучна для девочки, которая, как мы знаем из не приведенной здесь части повествования, нашла там друзей детей для общения и игр. В нашем примере автор дает ключ для интерпретации: она сама говорит (21, слова выделены жирным шрифтом), что в Казахстане, в ее понимании, она жила в небольшом городе, так как Москва была первым увиденным ею большим городом.

Естественно, мы не будем вдаваться в дискуссии по поводу понятия „большой город“, потому что автор объединяет Москву, Франкфурт на Майне, даже Гиссен под понятием „большой город“, как будто эти три

города в этом смысле однозначны. Мы хорошо осознаем, что в отношении величин Москвы и Лиссен очень отгичнаются. Очевидно, речь идет не о количестве населения в том или ином городе, речь идет не об изображении реальности, а о восприятии реальности определенным человеком. И поскольку известно, что, будучи ребенком, она жила в небольшом казахстанском городе, становится понятно, что связь между восприятием размера и оживленности города – это не понимание 12-летней девочкой, а скорее, взрослой студентки. Возможно, рассказчица осознает, что ее концептуализация прошлого не вполне соответствует бывшей реальности, и поэтому она описывает свой родной город, употребляя лексему „как будто бы“ (56) это был настоящий город. Такого рода „как бы“ свидетельствует о том, что это – не описание реальности, а прежде всего самоизображение автора: Я, говорит она, родилась в „как бы“ городе, а городской ребенок и поэтому хочу жить в большем и интересном городе.

Мы не будем продолжать подобные интерпретации, поскольку в конечном счете они ведут к субъективным умозаключениям. Вышеприведенное наблюдение служит примером „индекса автора“. Схема „большой – интересный“ по отношению к „маленький – скучный“ отражает понимание и концептуализацию мира автором данного повествования и таким образом показывает, что лексическая последовательность текста – результат последовательной концептуализации самого автора.

3. Синтаксический пример „индекса автора“

Не только на лексическом, но также и на синтаксическом уровне можно наблюдать феномен „индекс автора“. Примером может послужить отрывок из интервью, взятого в 1999 г. группой из университета Бохума (К. Сапнок и М. Краузе). Запись хранится в диалектологическом архиве университета Бохума (сигн. СНО1-51-11-03). М. Краузе мне предоставила звуковой файл; я лишь незначительно модифицировал транскрипцию (Krause 2002: 160).

Пример 2:

- 1 А вот как пойдешь на работу,
- 2 да с лошадьми,
- 3 да э ... какие-нибуд[ь] всегда
- 4 или смешки, или шутки –
- 5 вот и здесь, где человек живет.
- 6 И работает, и живет.
- 7 Мы на пашнях вот,
- 8 бывало,
- 9 и работаем, и живем,

- 10 и днем, и ночью ...
- 11 И ...
- 12 и днем работаем, и ночью работаем.
- 13 Мы не чувствовали ...
- 14 Молоденькие были
- 15 да и не чувствовали даже.
- 16 Работаем, работаем.
- 17 Ко[г]да вот день
- 18 работаешь, работаешь,
- 19 а в ночь а ...
- 20 а в ночь нужно
- 21 либо ээ косить, либо возить, либо чего-нибудь
- 22 обязательно какие-нибуд[ь] дела делать.
- 23 Мы с удовольствием,
- 24 мы никогда не отказывались.
- 25 А с[ей]час поизменились –
- 26 нетопные люди!
- 27 Нетопные.

Рассказчица представляет воспоминания в виде спонтанного повествования о трудностях воспитания детей и о жизни без мужа в сталинские времена. Мы не можем здесь учесть все аспекты этого текста, и хочется только продемонстрировать различия между синтаксической формой предложений и их семантическим содержанием.

Рассказчица на протяжении всего текста формулирует предложения, состоящие из двух частей. Известно, что синтаксически более формальные предложения характерны для стили авторов старшего возраста (Betten 2003: 139), это наблюдение подтверждается и в данном тексте в сравнении с текстом, который был приведен выше (пример 1). Каждая инфрармационная единица более пожилой рассказчицы содержит в себе две части, которые или соединены друг с другом или противопоставлены друг другу. Четко наблюдаемое соединение мы видим в строках 6 („и работает, и живет“), 9 („и работаем и живем“), 16 („работаем, работаем“) и 21 („либо косить, либо возить, либо чего-нибудь...“). Явное противопоставление двух частей предложения на уровне семантики можно увидеть в строках 24 и 25 („мы никогда не отка[з]ывались – а сейчас поизменились“). Имеются также предложения с синтаксическим противопоставлением, состоящие из двух частей без соответствующей семантической реализации синтаксической формы. В строке 4 („или смешки, или шутки“) мы не предполагаем увидеть синонимно выражения радости, но, наоборот, антонимно в форме „или смех, или плачь“. Иными словами, в строке 4 синтаксическая форма выражает противопоставление („или ... или“), а семантика, напротив, соединяет несколько синонимов.

Подобные структуры наблюдаются в строках 9 и 10 („и работаем, и живем, и днем, и ночью...“). Здесь мы предполагаем увидеть форму высказывания в виде „день = время для работы, ночь = время для отдыха“.

Разница между двумя частями суток семантически не реализуется: рассказчица пытается доказать, что в своей юности она работала не только днем, но и ночью. „По ночам даже косили!“, — читатель мимоходом задает вопрос, когда же эти трудобюбивые рабочие спаги.

В течение всего рассказа автор имел возможность не только синтаксически, но также семантически реализовать двухчленность предложений в виде противопоставлений. Однако автор до самого конца повествования называет синонимы и при этом не создает противопоставлений. Это придает тексту оттенок банальности: „естественно — там, где я работаю, там при нормальных обстоятельствах работают и другие люди; естественно — где работают разные люди, там присутствуют разговоры и шутки; естественно — днем работаешь, а иногда и ночью“. Трудно поверить в то, что рассказчица работала и днем и ночью, и в то, что, к тому же, работа еще и доставляла ей удовольствие.

Лишь один раз во всем тексте семантическое противопоставление двух частей предложений реализуется недвусмысленно на семантическом уровне — в самом конце повествования: „мы работали днями и ночами — а семидесятилетнее поколение живет по-другому“. Возникает вопрос, сознательно или неосознанно рассказчица предполагала закончить свое повествование именно таким образом. Если бы ее текст был не спонтанным и не в устной форме, а наоборот, был воспроизведен концептуально в письменном виде, она не смогла бы лучше представить именно такой конец. Этот пример — проявление риторики на высшем уровне.

Своеобразие риторики рассказчицы проявляется также в употреблении глагольных времен. Повествование начинается безличными формами настоящего (1: пойдешь, 5: человек живет), при переходе к повествованию о прошлом (7: мы) рассказчица продолжает в историческом настоящем времени (9, 12, 16, 18: работаем) или в несовершенном прошедшем времени (15: чувствовали) и связывает свое повествование о прошлом снова с безличными формами настоящего (18: работаешь). Только в конце своего повествования она употребляет грамматические временные формы не метафорически, а буквально: „мы не отказывались — а они показались“. Таким образом, в течении всего повествования, будь-то на синтаксическом или на семантическом уровне, прослеживаются три различных сигнала.

1. первый сигнал: безличное содержание, отмеченное семантически бессодержательными синтаксическими противопоставлениями,

2. второй сигнал: безличное содержание, отмеченное безличными глагольными временами,

3. третий сигнал: личное высказывание, отмеченное метафорическим употреблением прошедшего времени. 14: тогда молодежкой была — 25: молодежь сегодня по-другому живет.

Третий сигнал — „индекс автора“. Метафорическое употребление глагольных времен представляет форму концептуализации, которая прослеживается в течении всего повествования. С позиции пожилой женщины автор текста вспоминает свою юность и действительно не рассказывает ничего иного, как о том, какова она была молодой. Данная информация является ни чем иным, как противопоставлением прошлого и настоящего. Все остальное — безличное содержание.

4. Эмоция и память

Что есть истина (Иван 18: 37)? Или мы имеем дело только с правдой? (Бердяев 1909, хотя не дает определения этим понятиям, но отмечает различия между исторической правдой и философской универсальной истиной; см. также Черников 1999). Трудно что-то утверждать однозначно, анализируя два процитированных устных отрывка. Жила ли действительно студентка в городе или ей просто хочется жить в таком интересном месте как город? Работала ли действительно пожилая женщина в юности день и ночь, или она просто желает, чтобы в момент повествования могла работать как в юности? В основе первого и второго повествования находится эмоция, которая актуальна на момент высказывания и которая определяет выбор слов и синтаксических конструкций. Данная эмоциональная основа — это коммуникативная истина повествования, а не семантика, находящаяся на поверхности рассказа.

В конце статьи сравним наши выводы с мнением психологов о функциях восприятия и концептуализации мира. Конвей (Solpway 1996: 175) различает три уровня так называемой „автобиографической памяти“:

Первый уровень — периоды жизни — относятся к длительным периодам времени, обычно измеряемым в годах, включает цели, планы и темы о самом себе [...]

Второй уровень — главные, общие события — является более специфическим и объединяет воспоминания о продолжных и повторяющихся событиях, которые происходили в циклах — каждые несколько недель или месяцев [...]

Специфические воспоминания составляют хронологически упорядоченные списки деталей воспоминаний [...]

Сравнивая оба повествования с тем, что сказано в вышеприведенной цитате, обе рассказчицы остаются на первом уровне и только повествуют, практически без подробностей, о наиболее значимых периодах своей жизни. Историческая реальность их повествований остается на втором плане в сравнении с самоизображением, которое доминирует во всем тексте и создает коммуникативную когерентность текста. Судя по всему, историческая правда менее важна рассказчице, чем самоизображение

в ходе повествования. Трудно представить, что рассказчик изначально планирует структуру своего повествования, хотя с лингвистической точки зрения эта структура несомненно существует и подлежит анализу и интерпретации. Поскольку такие структуры являются незапланированными, возникает закономерный вопрос, что же заставляет рассказчика строить свое повествование именно в такой последовательности? Можно предположить, что важную роль выполняет потребность самозображения, возникающая в ходе реальной коммуникации с другими людьми. Психологи подчеркивают, что ментальные акты без эмоций невозможны:

[...] эмоции не только поддерживают рациональные, когнитивные процессы, но [...] они почти необходимы для рациональных решений и поведения

Это наблюдение подтверждается лингвистикой: эмоция в реальной коммуникации, т.е. желание самозображения в момент высказывания, является, по-видимому, одной из основных целей устной коммуникации.

Литература

- Бергвез Н. А., (1909), *Философия истины и интеллектуальная правда*, [в:] *Вехи. Сборник статей об русской интеллигенции*, Москва, http://topshokov.guru/gazeta/pl/segi_vin/av/HRISTIAN/BERGVEZ/W/bend2.txt [13.10.2008].
- Черников М. В., (1999), *Концепты «правды» и «истины» в русской культурной традиции*, „Общественные науки и современность“ 2, с. 164–175.
- Antos G., (1982), *Grundlagen einer Theorie des Formulierens*, „Reihe Semantische Linguistik“ 39.
- Antos G., (2002), *Mutuen, Metaphern, Modelle. Konzeptionsleistungen von Kommunikation aus dem Blickwinkel der Angewandten Diskursforschung*, [в:] *Angewandte Diskursforschung*, [2 т.], ред. G. Brünner, R. Fiehler, W. Kindt, Radolfzell, т. 1, с. 93–117.
- Beiten A., (2003), *Ist 'Akkersstil' in der Sprechsprache wissenschaftlich nachweisbar? Überlegungen zu Interviews mit 70- bis 100-jährigen Emigranten*, [в:] *Sprache und Kommunikation im Alter*, ред. R. Fiehler, C. Thimm, Radolfzell, с. 131–142.
- Boothé V., (2001), *Gesprächsanalyse in der Psychologie*, [в:] *Text- und Gesprächslinguistik*, ред. K. Brinker, G. Antos, W. Heinemann, S. F. Sager, Berlin, New York, с. 1655–1669.
- Somay M. A., (1996), *Autobiographical memory*, [в:] *Memory*, ред. E. L. Bjork, R. A. Bjork, изд. 2, San Diego, с. 165–194.
- Dressler W. U., (2004), *Textlinguistik mit und ohne Kontext. Diskurs versus Text*, [в:] *Text und Kontext. Theorietheorien und methodische Verfahren im transdisziplinären Vergleich*, ред. O. Panagl, R. Wodak, Würzburg, с. 11–22.
- Gobitzsch M., (2005), *Herstellung narrativer Identitäten durch biografische Sprachvermittlung und Positionierung. Eine retold story aus der Jugendhilfe*, „Sprachforschung“ 6, с. 196–221, www.gesprachsforschung-ozs.de
- Kleist H. v., (1805), *Über die allmähliche Verfertigung der Gedanken beim Reden*, [в:] H. Semböner (ed.), (1982), *Heinrich von Kleist. Sämtliche Werke und Briefe in vier Bänden*, т. 3, München, Wien, с. 319–324.

- Krause M., (2002), *Kulturell verankerte Begriffe und Konnotationen: empirische Befunde aus dem modernen Russland*, [в:] *Linguistische Beiträge zur Slavistik IX*, ред. Th. Daiber, Frankfurt a. M., с. 151–168.
- Lacan J., (1964), *Die vier Grundbegriffe der Psychoanalyse*, Weinheim, Berlin 1996.
- Rauen M., (2006), *Emotion, Decision, and Mental Models*, [в:] *Mental Models and the Mind. Current Developments in Cognitive Psychology, Neuroscience and Philosophy of Mind*, ред. C. Held, M. Knauth, G. Vosgerau, Amsterdam, с. 173–188.
- Schnitz W., (1994), *Aufbau von Wissensstrukturen. Untersuchungen zur Kohärenzbildung bei Wissenserverwerb mit Texten*, „Fortschritte der psychologischen Forschung“ 20, Weinheim.
- Spielge C., Spranz-Fogassy Th., (2002), *Selbstdarstellung im öffentlichen und beruflichen Gespräch*, [в:] *Angewandte Diskursforschung* [2 т.], ред. G. Brünner, R. Fiehler, W. Kindt, Radolfzell, т. 1, с. 215–232.
- Velleman J. D., (2006), *The Self as Narrator*, [в:] *Self to Self. Selected Essays*, Cambridge, с. 203–223.

Thomas Daiber

Wahrheit und Emotion. Über mündliche Texte, Sinn und autobiographisches Gedächtnis

(Zusammenfassung)

Die „Index auf den Autor“ genannte Selbstdarstellung des Sprechers wird anhand zweier Transkripten spontaner mündlich produzierter Narrative auf lexikalischer (Bsp. 1) und syntaktischer (Bsp. 2) Ebene nachgewiesen. Dabei wird beobachtet, dass nicht der reale historische Inhalt der Kommunikate, sondern vielmehr der aktuelle emotionale Wunsch des Sprechers nach Selbstdarstellung bei der Strukturierung der autobiographischen Berichte im Vordergrund steht und als das kommunikative Ziel anzunehmen ist.